

Глава 38. Новое дело

Вэй Вэнькан мгновенно разгадал нехитрые думы этого ребёнка.

— Ши-сюн, а ты уже одолел «Беседы и суждения»? — почтительно поинтересовался он. — Какое завидное усердие. Признаться, в твои годы я едва знал пару-тройку иероглифов.

Улыбку на лице малыша не удалось бы скрыть, даже если бы он очень старался.

— Ну, это само собой, — важно отозвался он. — Я ведь всё-таки твой ши-сюн. Кстати, зовут меня Тан Жуй, так что можешь величать меня «братец Жуй».

Вэнькан не стал спорить и покладисто кивнул:

— Как скажешь, братец Жуй.

Малыш остался крайне доволен таким почтением и, решив сменить гнев на милость, окинул нового ученика одобряющим взглядом:

— Платье на тебе доброе, сразу видать — учёный человек идёт.

Вэй Вэнькан едва поспевал за ходом мыслей своего юного наставника.

«Как же быстро у детей одно сменяется другим»

Вслух он произнёс:

— Ши-сюн слишком добр ко мне.

— У кого справлял? Много ли серебра отдал?

— Супруг мой просил односельчан сшить. Всё про всё в сорок с небольшим вэней обошлось.

Круглое личико Тан Жуйя вмиг сморщилось, точно печёное яблоко.

— А подешевле никак нельзя? У меня на личные расходы всего-то тридцать лянов припрятано.

Решив, что мальчик ослышался, Вэнькан терпеливо повторил:

— Я сказал: сорок вэней.

— Да слышал я! — досадовал ребёнок. — Но у меня-то всего тридцать лянов. Ты уж попроси своего мужа, пусть он за меня словечко замолвит, а?

Одежда Вэнькана и впрямь приглянулась маленькому Тан Жую. В этом халате ши-ди казался и выше, и стройнее — в нём чувствовалась та самая «стать учёного мужа», о которой вечно твердил дедушка. Жуй был уверен: надень он такое платье, и никто больше не посмеет дразнить его «маленьким поросёнком».

Юноша не знал, смеяться ему или плакать.

— Ши-сюн, а ты хоть знаешь, сколько вэней в одном ляне серебра?

Тан Жуй озадаченно почесал макушку:

— Разве не один?

Вэй Вэнькан замолчал, осознав, что просто не понимает жизни богатых отпрысков. Видимо, в их доме счёт деньгам начинался сразу с серебряных слитков.

Видя, что новый ученик медлит с ответом, малыш нетерпеливо дёрнул его за рукав:

— Ну так что, поможешь мне или нет?

— Тебе бы прежде с отцом да матерью посоветоваться, — замялся Вэнькан.

Для молодого господина пара вэней — сущая безделица, но брать деньги у ребёнка, который и счёта-то им не знает, было как-то не по совести.

— Тан Жуй-жуй! Уроки повторил? Опять лясы точишь? Смотри, Учитель пропишет тебе палок!

Не успел малыш и рта раскрыть, как его за шиворот, точно упитанного карпа, оттащил к столу ученик постарше. Тан Жуй отчаянно заизвивался:

— Пусти! Не твоё дело! Я с ши-ди о нарядах толкую!

— О каких ещё нарядах? Что он смыслит в добром платье?

— Да в таком же, как на нём! Гляди, как он в нём вытянулся, сразу стройным стал!

Старший ученик окинул Вэнькана беглым взглядом. Длинный халат хоть и сидел ладно, но ткань была из самых дешёвых.

— Помни, кто ты, — пренебрежительно бросил он. — Негоже тебе в таком тряпье ходить.

Тан Жуй не унимался:

— А я хочу! Пусти!

Старший, однако, хватку не ослабил, а лишь вкрадчиво спросил:

— А как же пирожные с крабовой икрой из нашего дома? Неужто не хочешь?

— Хочу! Хочу! Братец Цинь, ты мне их все отдашь!

Эти слова подействовали на «упитанного карпа» магически. Малыш мгновенно притих и смиренно уселся на свою скамью.

Убедившись, что буян уgomонился, старший ученик — Цинь Байсюань — обернулся и строго зыркнул на Вэнькана, словно тот был виноват в праздности ребёнка.

Вэй Вэнькан узнал в нём того самого ученика, о котором говорил Учитель Ван — тот, кто уже сдал экзамен на туншэна. Знаний у Байсюаня было в достатке, а вот характер оставался простодушным, оттого-то наставник и не торопился переводить его в класс для подготовки к государственным экзаменам. Юноша лишь со вздохом покачал головой: чужало его сердце, что жизнь в этой школе будет весьма... своеобразной.

Не прошло и четверти часа, как в класс, минута в минуту, вошёл Учитель Ван. Заметив нового ученика на задней скамье, он не проронил ни слова и сразу приступил к проверке знаний.

Ученики под его суровым взором вяли, точно капустные листья на солнцепёке. Впрочем, к уроку все подготовились справно: хоть и запинаясь, но всё положенное оттарабанили.

Наставник, кажется, остался доволен. Вэнькан уж было решил, что на сегодня проверка окончена, но Учитель Ван вдруг спохватился:

— Тан Жуй, отвечай!

Мальчик без тени смущения вскочил с места и бойко выдал длинный отрывок. Закончив, он вздёрнул подбородок и уставился на учителя, всем видом выпрашивая похвалу.

Но старик и не думал восхищаться.

— Дальше, — сухо бросил он.

Тан Жуй округлил глаза:

— А? Учитель, вы же сами говорили, что нужно выучить только до первой части главы «Гунсунь Чоу»!

Лицо Учителя Вана посуровело:

— И ты, значит, ни словом больше не прочёл?

— Так я же вас слушался! — обиженно протянул малыш.

Наставник лишь холодно усмехнулся:

— Ишь ты, из всех моих наставлений выбираешь только те, что тебе по нраву?

Ребёнок хотел было возразить, но Цинь Байсюань легонько шлёпнул его сзади:

— Слушай, что Учитель говорит, и помалкивай.

Мальчик надулся и примирительно проямлил:

— Виноват, учитель.

Старик махнул рукой, веля ему сесть. Спрашивать, в чём именно тот виноват, он не стал — берёт собственные нервы. Тан Жуй был мал да удал: всё схватывал на лету, запоминал с первого раза, да только в голове у него гулял ветер — одни игры да сладости на уме.

Вспомнив о прилежании, Учитель Ван перевёл взгляд на последнюю парту, где возвышался над остальными Вэй Вэнькан.

— А ты чем сегодня занимался?

Вэнькан поспешно встал:

— Докладываю учителю: сегодня я перечитывал «Чжун Юн».

Наставник задал пару вопросов по тексту, а затем неожиданно перешёл к «Лунь Юю».

Вэнькан отвечал без запинки. Лишь в паре мест учитель счёл его толкование неполным и пустился в пространные объяснения, цитируя классиков.

Тан Жуй слушал это, и лицо его становилось всё мрачнее. В конце концов он не выдержал и во всеуслышание заявил сотоварищам:

— Врун он! Только что мне сказывал, будто не доучил «Лунь Юй»!

Голос у мальчишки был звонкий, и Учитель Ван, не стерпев шума, подошёл и легонько стукнул его книгой по ладони:

— Тан Жуй! Позабыл правила поведения в классе? Ещё слово — и пойдёшь за дверь.

Малыш окончательно приуныл. Весь мир казался ему несправедливым: ши-ди оказался обманщиком, да ещё и из-за него влетело!

«Буду теперь его ненавидеть»

Вэнькан слышал всхлипывания за спиной и чувствовал себя виноватым, хоть и не понимал, в чём именно. Лишь к вечеру, когда наставник раздавал задания, до него дошло: Тан Жуй, вечно плетущийся в хвосте, надеялся, что с приходом нового ученика он перестанет быть худшим в классе. А вышло так, что последнее место по-прежнему осталось за ним.

— И впрямь бедняга, — Лю Тяньцзяо, выслушав рассказ о маленьком ши-сюне, хоть и выразил сочувствие, но ехидная ухмылка выдавала его с головой. — Забавный малец. Ты бы притащил его как-нибудь к нам, поиграем.

Вэнькан только вздохнул. Можно подумать, ши-сюн — это щенок какой, чтоб его в охапку брать да домой нести.

В целом, первый день прошёл гладко. Если не считать того, что при каждой встрече Тан Жуй демонстративно фыркал в сторону Вэнькана, школьная жизнь потекла своим чередом.

Прошло чуть больше трёх месяцев. Юноша по-прежнему не мог понять, доволен ли им Учитель Ван, и на каком он сам счету. Для человека, который видел в учении единственный путь к спасению от нужды, эта неопределённость была невыносима. Тревога грызла его изнутри, и единственным лекарством был труд — он старался не оставлять себе ни минуты праздности.

Лю Тяньцзяо бесцеремонно вырвал книгу из рук мужа:

— Да хватит уже! Глаза ж вылезут от такой учёбы.

Вэнькан поднял голову и устало потёр переносицу:

— Надо же, как быстро стемнело.

Тяньцзяо подышал на озябшие руки:

— Так Начало зимы уже миновало, чему удивляться?

Вэй Вэнькан замер. И впрямь — незаметно пролетело столько времени.

— Завтра у меня выходной. Давай вместе соберём остатки овощей с поля.

Тяньцзяо сладко зевнул:

— Да, пора бы. Я сегодня приглядывал — урожаем знатный вышел, жалко будет, если инеем прильёт.

— На завтра потрохов побольше заготовить?

При упоминании о деле Лю Тяньцзяо помрачнел:

— Да ну их. Холода настали, пока довезу до места — всё ледяным становится. Торговля совсем заглохла.

Вэнькан нахмурился. Потроха были их единственным доходом. Зерна в доме было немного: приберегли для себя, а продавать не решались. Небо — оно ведь капризное, раз в три-пять лет обязательно беда какая приключится. В деревне всяк, кто не голодает, старается хоть на год запас хлеба иметь.

— Слушай, — Тяньцзяо уже давно вынашивал одну мысль, — может, мне снова за мясо взяться? У нас такая большая лавка, только потрохами да холодными закусками торговать — одно расстройство. Обидно, место-то золотое.

— А семья Цзян согласится продавать тебе свиней?

— Куда они денутся? С Мясником Линем они в пух и прах расплевались. У них десяток кабанов на подходе, а сбыть некому — вот и маются.

К слову сказать, тот Линь оказался человеком гнилым. Когда дела его пошли под откос, он припомнил слова Тяньцзяо, сказанные в тот день, когда Сяо Цянь-ши затеяла ссору. Линь обвинил Цзян Цзяцяна в нарушении уговора и силой заставил забрать вонючее мясо обратно, да ещё и убытки выплатить.

Супруги Цзян пытались спорить, но куда им? Линь-то в своём деле всех знал, а Цзяцян — человек тихий, да и жена его только и умеет, что языком чесать да соседей злить. В итоге выплатили они деньги, пролили немало слёз, и с тех пор с Линем знаться перестали.

Вэнькан всё же сомневался:

— Госпожа Цюань — баба непростая. Боюсь, как бы снова беды не вышло.

Тяньцзяо же был непоколебим:

— Я тоже не лыком шит.

Муж понимал, что спорить бесполезно. Да и нужда поджимала. Учение — дело дорогое: десять лянов в год улетает, тут и у старосты голова кругом пойдёт.

— Возьми вот, — Вэнькан протянул Тяньцзяо пять лянов.

Это было то самое серебро, что вернул Учитель Ван. Тяньцзяо и сам на него поглядывал, но когда муж сам отдал деньги, ему стало неловко.

— Бери-бери. Этого должно хватить на доброго кабана.

Тяньцзяо хотел было отказаться:

— Не нужно. На потрохах мы неплохо заработали, у меня и своих припасено.

Но Вэнькан был твёрд. Он вложил серебро прямо в руки супруга:

— Если считаешь меня своей семьёй — бери. На тебе весь дом держится, а я... мне порой совестно, что я ничем помочь не могу.

— Да что ты такое говоришь! — искренне возразил Тяньцзяо. — Без тебя мы бы на потрохах так не поднялись. Ты за эти месяцы и окреп, и сил набрался, да и в работе любой мастак — и в поле, и в лавке от тебя проку больше, чем от иного молодца.

— Вот и не спорь тогда. Бери, мне так спокойнее будет.

Делать было нечего, Тяньцзяо пришлось согласиться.

На другой день, распродав потроха и вернувшись из города, они наскоро пообедали и отправились в поле.

Овощи на их грядках были посажены уже после свадьбы. За три-четыре месяца при добром уходе они вымахали на диво.

Тяньцзяо нагнулся и сорвал побег водного шпината. Сочный хруст разнёсся в тишине — зелень была нежнее нежного.

— Ишь, как прёт! Пару дней назад обрывал, а сегодня — снова всё ковром застелено. Жаль только, солнце уже не то, что летом — стебли тонковаты вышли.

Вэнькан залюбовался нежной зеленью:

— И то правда, урожай у нас — загляденье. Давай завтра на рынок свезём? Соседи-то уже давно шпинат выдрали да редьку посадили. Думаю, сейчас мы в первых рядах будем.

Тяньцзяо широко улыбнулся:

— А ты, парень, не промах! Видать, не зря за чужими огородами подглядываешь.

Юноша немного смутился:

— Чтобы своё дело вести, надо знать, что у других растёт. Если у всех одно и то же — для себя оно хорошо, а денег на том не выручишь.

Для Тяньцзяо это было в новинку.

— И как же ты предлагаешь дела вести?

— Редкое всегда в цене. Всё просто: то, что есть у каждого, отдают за гроши. Значит, нам нужно выращивать то, чего у других нет. Либо сорт какой необычный, либо — чтобы овощ поспевал, когда сезон у других уже прошёл.

Эту мысль ему подсказал Тан Жуй, вечно жаловавшийся, что дома летом одни бобы да баклажаны. Если уж детям приедается, то и взрослым охота чего-то иного. Так почему бы и нам не вырастить что-нибудь другое?

<http://bllate.org/book/15343/1412905>